

Лит. газета, 1978, 13 сент

К 150-летию вхождения Армении в состав России

ВАЖНАЯ ДАТА ИСТОРИИ

Мариэтта
ШАГИНЯН

Он говорил о временах
грядущих.
Когда народы, распри
позабыв,
В великую семью
соединятся.
А. ПУШКИН

ЮБИЛЕИ, как правило, посвящены прошлому. Но есть светлые страницы в истории человечества, где прошлое озарено будущим, как бы далекой заревои вспышкой... В этих заревои вспышках, невольно заставляющих задуматься о «временах грядущих», предстает перед нами большой юбилей — полтораста лет со дня присоединения Восточной Армении к России. Полтораста лет... Чуть ли не столько же лет так называемому «армянскому вопросу», когда маленькая страна, задыхавшаяся в узких тисках восточных деспотий, чуждая этим деспотиям по культуре, по рели-

гии, по традициям, по быту, ранимая во всем, что касалось ее духовного, да и физического бытия, нуждалась в спасении от гибели. Судьба этой маленькой страны, Армении, занимала умы западноевропейских политиков, начиная с Гладстона. Но сама Восточная Армения и ее народ, его лучшие прогрессивные деятели, — тяготели к России... Я не стану здесь углубляться в политическую предысторию нашего юбилея. За время Советской власти армянская Академия наук проделала огромную работу по изучению этого прошлого. Исследования и публикации, произведенные ее учеными, — большой вклад не только в одну армянскую науку. Укажу прежде всего на два огромных тома — in folio — по несколько сот страниц каждый, где собраны редкие документы из многих

архивов, относящиеся в основном к русской части этой «предыстории», — на русском и армянском языках, с предисловием, примечаниями и необходимой научной аппаратурой. Первый том доведен до Гюлистанского, второй до Туркманчайского договоров. В содержательном предисловии академика Цатура Агаяна (под руководством которого главным образом и осуществлялось это издание) и В. А. Дилояна читатель найдет краткий обзор истории этих документов. Исключительно интересны для нас и труды историка-академика Абгара Иоаннисяна, дающие яркую картину взаимоотно-

«Присоединение Восточной Армении к России». Сборник документов. Том I (1801—1813). Под редакцией академика армянской Академии наук П. П. Агаяна. Издание АН Армянской ССР. Ереван. 1972.

шений крупных армянских деятелей (Исраэла Ори и других) с Петром Первым и его эпохой, переписка Петра и ряд малоизвестных его международных начинаний на Востоке, важных не только для армян, но и для русской науки. Петр, например, задумывался всерьез даже о создании самостоятельного «армянского государства». Екатерина Вторая приглашала армян участвовать в строительстве южных городов на Руси (Нахичевань-на-Дону, Армавир, Екатеринодар, Феодосия, Григориополь возле Тирасполя), в развитии шелководства на юге России, промыслов всякого рода, свечного и других, в развитии садоводства и виноградарства.

Я пишу только о тех армянских источниках, с которыми знакома сама, — но, разумеется, ими далеко не исчерпываются армянские исторические работы, посвященные армяно-русским взаимоотношениям.

Нельзя сказать, чтобы на Западе не существовало научного, да и литературного интереса к армянскому народу. Я уже упоминала о западном аспекте «армянского вопроса». Английские, французские, немецкие ученые посещали Восточную Армению, описывали ее географически, углублялись в ее рукописи, собирали и записывали ее фольклор (Линч, Ганкстаузен). Запад делал попытки отразить в своей литера-

туре тип и характер армян — немцы в замечательном рассказе Шиллера «Духовидец» (Geisterseher), где выводится (вероятно, под впечатлением встречи с венским монахом-мхитаристом²) тип не то мистика, не то мага-армянина; французы — в одном из салонных экзотических романов Клода Фэррера — в образе светской высокообразованной армянки, знающей много языков, а в молодости выросшей чуть ли не в пасть ступней «землянке» и совершенно неграмотной; англичане — у англичан сам Байрон, «влюбясь» в армянский монастырь на острове Сен-Лаззаро в Венеции, — ездил к своим друзьям-монахам из Венеции на их остров — чуть ли не ежедневно, изучал у них армянский язык, создавал его учебник для Англии, работал у них и с ними, плененный духовным миром и древней культурой своих учителей... Следы его пребывания и работы на Сен-Лаззаро остались на острове, свято чтутся монахами и до сих пор — еще 10 лет назад я сама побывала у них, видела «комнату Байрона», вещественные реликвии его работы, слушала традиционные рассказы о великом английском поэте...

Но как мало, кроме работ Байрона, — живой, типической реальности в то-

² Мхитаристы — конгрегация католических армян, имеющих свои монастыри в Вене и в Венеции.

гдашних этих попытках! В науке исследуется древняя Армения, отзвуки этой седы древности — старинный армянский язык «грабар», миниатюры средневековых мастеров, рукописи. В художественных образах больше фантазии, чем историзма. И нет живого ощущения армянской действительности. Невольно вспоминается рассказ Пушкина в «Путешествии в Арзрум», — как, приехав в Карс, он промок на улице, в темноте, под дождем, покуда его «оформляли»; как проходивший мимо армянин пригласил его к себе; как он вошел в комнату, увешанную коврами (так и видишь эту типично армянскую комнату в городе Карселе), и пожилая армянка, подойдя к нему, поцеловала гостью руку; как она приготовила ему баранину — «верх поваренного искусства!», а утром он ехал в армию Паскевича, захватив с собой армянского юношу из этой семьи. И как этот юноша, Артемий по имени, летел с ним рядом на своем скакуне, должно быть, повернулся к нему набок в седле, чтоб с восторгом твердить ему о битвах и сражениях...

Во всех соприкосновениях западного искусства и науки с армянами нет ничего равного этим страницам по точности, реальности и широте охвата и людей, и обстановки, и жизненного содержания. Точно это сейчас произошло, и можно

найти в Карсе и эту комнату, увешанную коврами, почувствовать вкусный запах жареной баранины, услышать восторженного юнца. А на Западе, в искусстве и науке, подход к изображению армян, исследованию их культуры, на мой взгляд, имеет одну особенность, — подход к своей задаче как к материалу уже бывшей, уже как бы законченной, остановившейся цивилизации. Мне кажется (это, конечно, оспорию), что у армянского народа, древнейшего народа христианской цивилизации (с IV века, когда Армения — первая — приняла христианство как свою государственную религию), не было того исторического разрыва в развитии и становлении национального типа и характера, какой произошел, например, в Древней Греции и в Древнем Египте. Мне кажется, мало общего между античным греком Гомерової эпохи и современным греком. Или — между классическим египтянином эпохи фараонов и современным арабом. Тип армянина эпохи его древнего эпоса, золотого пятого века его письменности, драгоценных отрывков дохристианского времени у Моисея Хоренаци (Моисея Хоренского), отца армянской историографии, — по духовному стержню его характерных особенностей, по силе энергии, заложенной в его действиях, по проявлениям его

духовной и физической сущности в быту, в творчестве, в тенденциях — как будто не изменился, как будто продолжает историческое свое развитие без разрыва, без существенных различий с предшествовавшим народным типажом. И это — несмотря на колоссальные исторические потрясения и катаклизмы, несмотря на непрерывающуюся смену разнородных влияний Ассирии, Рима, Греции, Византии, Персии, Турции... Армянский тип как бы зримо, пластически-себеподобно, продолжает развиваться на едином историческом корню, не пережив резкого разрыва в этом физико-духовном развитии.

Я привожу эту мысль, кажущуюся мне очень реальной, потому что в свете ее понятней становится и процесс исторического тяготения Армении к великому русскому соседу. Когда русские войска сражались полтораста лет назад с персидскими — на территории угнетенной, подвластной персам Армении, — в их рядах бились армянские отряды. Когда русские входили в персидские города, армянские жители бросались навстречу их коням, с благословениями, со слезами счастья, как к избавителям.

То было не только избавление от физической гибели. Из душевного мира чуждой и чужой культуры, мешавшей историческому ро-

сту армянского народа и его движению вперед, он прорывался к схожему, близкому духовному миру, к его огромной масштабности, широким необъятным горизонтам большого исторического пути в будущее. К росту, развитию своей культуры, своего национального типа, сохранившего много веков эту потенциальную потребность культурного развития.

Армянские передовые деятели присоединялись ко всему тому, что в самой России было прогрессивным и революционным. Без этих полтораста лет присоединения не было бы у армян Налбандяна, соратника Чернышевского; не было бы Спандаряна, соратника Ленина; и что самое главное — не было бы совместного пути к Октябрю.

Октябрьская революция дала армянам собственную государственность и на ее почве — небывалый расцвет экономики и культуры. Армянские деятели расширили горизонты своего социального мышления. Писатели обрели небывалой широты тематику для своего творчества.

Так, благодаря присоединению, приведшему народ к Октябрю, он получил выход на широкую арену истории человечества — в социализм.

Но и армяне — потомки древней христианской цивилизации — пришли к моменту соединения с Россией тоже не с пустыми ру-

ками. Даю тут слово крупнейшему выразителю русского национального духа, поборнику русского искусства и всего передового в нем, классику русской критики — Владимиру Васильевичу Стасову. В 1886 году он выступил в «Журнале министерства народного просвещения» — в те годы одним из культурнейших и передовых изданий. В нем печаталась «Дидактика» Яна Амоса Коменского, им руководил К. Д. Ушинский, его из месяца в месяц читал Илья Николаевич Ульянов... И в этом авторитетном журнале веско прозвучало слово знаменитого Стасова. Он писал:

«...армянское и грузинское искусство имело, в известную эпоху, сильное влияние на русское искусство, в пору его формирования, и в настоящее время не возможно, изучая первые эпохи русского искусства, по части ли архитектуры или художественной орнаментики, а отчасти и живописи, оставлять в стороне искусство армянское и грузинское. Помнить при этом только одно искусство византийское, в нем одном находить первоначальные источники нашего национального искусства, вводить в нем одном все прототипы наших художественных форм — большое заблуждение. Во многих случаях, быть может — всего более в русской архитектуре, первоначальные влияния были не одни только специально-

византийские, но также и армяно-византийские, и грузино-византийские»³.

Еще в далеком прошлом Закавказье было связано с Русью. Оно было передаточным молоду России художественных элементов византийского искусства. Но не только чисто византийских. Стасов подчеркивает, что армянское и грузинское искусство передавали русскому искусству свои собственные национально-художественные черты освоения византийских форм.

Древние культуры обречают жизнь и развитие в новой социальной структуре общества. Тут мы встречаемся с фактом внутреннего взаимодействия между народами, вступающими на путь присоединения друг к другу.

Присоединение — драгоценное русское слово в словаре человечества, совершенно чуждое таким словам не русского корня, как «аннексия» и «агрессия». Оно невольно приводит в память пушкинскую мысль о «временах грядущих», когда народы, распри позабыв, в великую семью соединятся.

Будем верить, что во «времена грядущие» в мире социализма пророческие слова Пушкина действительно сбываются.

³ «Журнал министерства народного просвещения», № 7, 1886 г., стр. 140.

1 — 19 августа 1978 г. ПЕРЕДЕЛКИНО